

В конце 20-х сотрудник Днепропетровской государственной гидробиологической станции Петр Ширшов, изучая процесс техногенной трансформации гидробиологического комплекса излучины Днепра, описывал исчезающий видовой состав водорослей-образователей днепровских порогов и особенности придонного фитобентоса. Вряд ли молодой аспирант тогда задумывался над тем, какой блистательной и страшной будет его дальнейшая жизнь, как трагически переплетутся судьбы самых близких и самых дорогих ему людей...

ЧП на площади Дзержинского

На исходе 1946 года посреди Москвы в министерстве Морского флота СССР случилось ЧП. Мрачно, по-черному запил министр. Двое суток кряду, запершись в кабинете, глушил, не хмелея, разведенный спирт. Не ароматный «Арагат» из хрустальных рюмочек, к чему положение обязывало, а сжигающее глотку огненное пойло, как много лет назад на полярной льдине, из жестяной кружки, разводя сырец затхлой водой из министерского графина. Пить был горазд – недаром еще в 30-м за пьянку из комсомола поперли. Пытались было вышибить запертую наглухо дверь, да пообещал из наградного «коровина» пристрелить любого, кто посмеет ему мешать. Поверили, как не поверить, коли человек до того, как пить начал, прилюдно выбросил из кабинета и растоптал ногами портрет Вождя. Такому – терять нечего. Видать, до крайности уже дошел.

Полгода назад арестовали жену министра, артистку театра Моссовета. То ли шпионкой английской оказалась, то ли на немцев работала – даром, что ли, в октябре 41-го, когда всякий столичный житель в эвакуацию рвался на восток, уезжать из Москвы напрочь отказалась. Говорят, министр госбезопасности Абакумов лично ее из дома увозил. В наручниках. А еще говорят: она за копейки да за министерский продуктовый мужнин паек известной модистке фешенебельные наряды заказывала, а потом единой надеванное втридорога в скупку сдавала. Так что поделом ей. И жалеть нечего. Товарищ Сталин так и передал министру в ответ на просьбы разобраться: пусть не жалеет, дескать, другую жену себе ищет, опыт, небось, имеется. А не сможет сам найти, пусть товарища Берию о помощи просит. Вот после этого и запил. Жалко министра: мужик заслуженный, крепкий, а страдает, как слюнтяй, из-за бабы. Застрелится, не ровен час. Хорошо бы сына старшенького Роальда к кабинету родителя привести для приведения в чувство. А еще лучше дочку Мариночку. Пусть зовет отца, просит выйти. Авось опомнится. Негоже ведь дитяти малому жить дальше в приюте с клеймом вечным: дочка врага народа и самоубийцы. Дети ведь за отцов не в ответе – так Вождь учит...

Дочь Спящей царевны

Марину воспитывал отец. А после его ранней смерти – мачеха. Маму она совсем не помнила. Знала лишь – та уехала на длительные гастроли, которые вот-вот закончатся.

Ожидая ее скорого возвращения, в скрипучих шкафах бабушкиной комнаты большой коммуналки в Козицком переулке томилась восхитительно пахнущие

Марина могла разглядывать их волшебное содержимое часами, вдыхая божественный аромат, – ведь эти вещи, столь непохожие на одежду женщин московских улиц, могли принадлежать только настоящей фее. И даже порой, замирая от восторга, примерять туфельки на высоких прозрачных «хрустальных», как у Золушки, каблучках.

пудрой и тонкими духами мамы платья, стояли мамы туфли, а в больших коробках лежали дивной красоты шляпки, перчатки, вуалетки, веера и искусственные цветы. Бабушка Леля отлично понимала, чего хочет внушка больше всего на свете. А потому ей было позволено открывать шкафы в любое время. Марина могла разглядывать их волшебное содержимое часами, вдыхая божественный аромат, – ведь эти вещи, столь непохожие на одежду женщин московских улиц, могли принадлежать только настоящей фее. И даже порой, замирая от восторга, примерять туфельки на высоких прозрачных «хрустальных», как у Золушки, каблучках. Или, смущаясь под улыбающимся с фотографии на стене мамыным взглядом и вздохами бабушки, смахивающей непонятно почему текущие по щекам слезинки, надевать, путаясь в длинном шлейфе, чудесное платье, сшитое, словно настоящая рыба чешуя, из перламутровых невесомых блесток.

А потом бабушка умерла. И детство закончилось...

В 1989-м, когда ненадолго открылся доступ ко многим прежде засекреченным документам, Марине Петровне удалось взглянуть на дело своей матери в особом фонде центрального архива МГБ. А год спустя, после публикации пронзительных отцовских дневников в столичном еженедельнике, она получила издавека долгожданную весточку. Жительница поселка Омчак Людмила Волькина сообщила, что мама Марины Петровны похоронена на тамошнем кладбище ссыльных, в 800 километрах к северо-западу от Магадана. Об этом свидетельствовали найденные документы на захоронение, оформлявшиеся некогда дирекцией фабрики им. Берия Тенькинского горнопромышленного управления Дальстроя. Могилку, затерявшуюся в зарослях кедрового стланика, едва отыскали. От иных, безвестных, отличалась она лишь чудом сберегшейся надписью на памятнике: «Здесь покоится прах Евгении Александровны Горкуши-Ширшовой. Родилась 8 марта 1918 года. Скончалась 11 августа 1948 года. Мир праху твоему, дорогое дитя».

Надпись эту сделала на могиле погибшей дочери Елена Владимировна Горкуша. Ее бабушка Леля.

Дорога из Москвы до Омчака неблизкая – едва ли не через половину земного шара. Осилить непросто. Но у все понимающего коллеги по институту океа-

Северный флот с первых дней войны воевал на чужой территории.

Это была война почти без могил на своей земле. Летчики и подводники или возвращались с боевых операций в чужих водах все, или оставались там навсегда...

если бы та, которой посвящались эти стихи, слышала их, если бы взглянула на поэта... она бы, ни секунды не раздумывая, босиком, в чем есть бежала к нему. Бросила бы своего полярника, бросила весь мир и прижалась к этому несправедливо и горько обманутому человеку. И была бы счастлива, так счастлива, как может быть счастлива женщина, которой посвящают такие слова...

– Слушай, старик, – сказал он приятелю очень серьезно. – Слушай и запомни, потому что мы с тобой никогда больше не вернемся к этому разговору. Счастлив тот, кого она одарила любовью. Хотя бы на миг. Вот только полюбить после нее другую женщину невозможно. Исключено.

Приятель стал ругать его бывшую жену и полярника. Тогда и он выругался. По-черному, по-солдатски, по-мужицкому.

– Никогда не говори так о ней. Слышишь? Никто не виноват, что настоящей любовью для нее стал другой. Но я по-прежнему благодарю судьбу за нашу встречу, за минуты, когда был с ней и когда держал ее в объятиях...

На перегоне между станциями Лоухи и Полярный круг на эшелон налетели «юнкеры». Путь впереди был разрушен: искореженные взрывом рельсы сбросило с насыпи. Надрывно и беспомощно гудела паровозная сирена. Безостановочно и бесполезно тархтели зенитные пулеметы. Над разбитым почтовым вагоном кружили обгоревшие обрывки ценных облигаций и денежных купюр. Вперемешку лежали посеченные осколками тела конвоиров и заключенных среди обломков пылающей теплушки.

– Бежим в лес! – прошептал почему-то приятель, хватая за руки.

Но он резко вырвался, закричал, что остается, что никуда не побежит, что это глупость, и бомба, коли суждено, найдет везде...

Через час приятель нашел его в тамбуре полуразрушенного вагона. Осколок фугаски разнес в клочья его летный планшет с заветной тетрадкой, оторвал одну ногу и смял в кровавую кашу другую. Измаранные кровью исписанные листочки устлали пол тамбура и насыпь пути.

Он узнал приятеля и еле слышно прошептал:

– Дай коньяка.

– Нет коньяка. Кончился еще ночью, когда ты читал стихи.

Он попытался улыбнуться бледными до синевы губами:

– Когда увидишь ее – скажи: Ярослав Родионов тебя любит. Больше ничего не говори.

Он умер, не доехав до Кандалакши, но приятель добился разрешения доставить тело в Мурманск, а оттуда в Полярное.

На третий день его там и похоронили на крошечном матросском кладбище: Северный флот с первых дней войны воевал на чужой территории. Это была война почти без могил на своей земле. Летчики и подводники или возвращались с боевых операций в чужих водах все, или оставались там навсегда...

Мачеха

В 1947 году Петра Ширшова сняли с министерского поста. Правда, тут же предложили иную работу в Совете министров, куда более престижную.

По-прежнему возглавлял он и институт океанологии. Работал не жалея себя. Отдавался работе целиком. Хотя и выгорел дотла давно: еще во время ареста жены. Известие о ее гибели стало последней каплей, многократно усилившей силы болезни, исподволь беспощадно разрушающей его тело.

Некогда красивый рано поседевший мужчина стремительно превращался в свою корчившуюся от нестерпимой боли жалкую тень.

Тем неожиданнее стало для многих известие о его предстоящей женитьбе. Избранницу, очаровательную высокую блондинку, звали Нина Ивановна Деева. Она была «преступно» молода, но умна, хорошо образованна и уже преподавала английский язык в школе.

Они были честны друг с другом. Влюбленность еще не старого одинокого мужчины переплелась с трезвым расчетом отца: дочь была очень мала, и ей требовалась мать. Все его имущество, академическая пенсия и квартира в Доме Правительства оставались жене в обмен на обязательство опекать и воспитывать дочь вплоть до ее совершеннолетия. Но было бы ошибкой видеть в ее поступке только жалость или корысть. К этому седому сильному мужчине просто нельзя было оставаться равнодушным.

Марина Петровна по сей день благодарна красивой блондинке за то, что любила его и здорового, и больного, и умирающего; что скрасила последние его страшные годы; что никогда не забывала сажать цветы на его могиле и платить сторожам.

Благодарна, что она единственная звонила ей в день рождения мамы, 8 марта, чтобы не забыла; что сохранила дневники отца, письма, связанные с маминым арестом, и отдала их, щадя психику падчерицы, лишь когда она стала взрослой...

Петр Ширшов умер 17 февраля 1953 года, опередив мартовское завершение страшной эпохи, героем которой являлся, всего лишь на полтора десятка дней.